

«Бульбулим вместе, по строфе на брата»: фельетоны Н. Асеева и С. Третьякова в дальневосточной периодике начала 1920-х гг.

Елена Олеговна Кириллова,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: sevia@rambler.ru

Статья продолжает серию работ автора, посвящённых изучению путей развития русской поэзии на Дальнем Востоке России в первой четверти XX в. В статье рассматривается жанр фельетона на страницах дальневосточной периодики и анализируется своеобразие сатирической поэзии конца 1910-х — начала 1920-х гг. на примере фельетонного творчества поэтов-футуристов Н. Асеева и С. Третьякова, которые в период Гражданской войны и военной интервенции на российском Дальнем Востоке жили и работали во Владивостоке. Рассматривается поэтическая и журналистская деятельность писателей, специфика фельетонного творчества Асеева и Третьякова, работавших в условиях литературного полуподполья и — как следствие — активно использовавших в дальневосточной печати множество псевдонимов, в том числе совместных. Проанализирована идейно-тематическая наполненность представленных фельетонов Буль-Буля и Малки-Иволги и их жанрово-стилевое исполнение. Отмечено, что итоговые решения в создании подобных стихотворных произведений были продиктованы в первую очередь общественно-исторической и социально-политической ориентированностью современной поэзии и принципом фактографичности, т.е. тематикой «на злобу дня», и только во вторую очередь — стремлением к высокому художественному уровню. Тем не менее в фельетонах Н. Асеева и С. Третьякова в духе времени и довольно гармонично сочетались «эзопов язык», ориентированность на традиции русской сатиры с модернистскими новациями Серебряного века — филологическими экспериментами и приёмами языкового курьёза, освоенными в дальневосточной практике известными поэтами-футуристами. Новизна исследования видится в том, что впервые вводятся в научный оборот малоизвестные и неизвестные тексты Н. Асеева и С. Третьякова, обнаруженные в фондах дальневосточных архивов: Государственного архива Приморского края, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Хабаровского края.

Ключевые слова: фельетон, Николай Асеев, Сергей Третьяков, Буль-Буль, Малка-Иволга, Жень-Шень, дальневосточная периодика начала 1920-х гг.

N. Aseev's and S. Tretyakov's Feuilletons in the Far East Periodical Press at the Beginning of the 1920^s.

Elena Kirillova, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: sevia@rambler.ru.

The paper continues a series of works of the author devoted to studying the development of the Russian poetry in the Far East of Russia in the first quarter of the twentieth century. The paper examines the genre of feuilleton in the Far East periodical press and analyses the originality of satirical poetry at the end of the 1910^s — the beginning of the 1920^s based on the feuilletons by futurist poets N. Aseev and S. Tretyakov. These poets lived and worked in Vladivostok during the Civil War and military intervention in the Russian Far East. The poetic and journalistic activities of the writers and the peculiarity of feuilleton works by Aseev and Tretyakov are studied. They worked under the conditions of literary underground and actively used a lot of pseudonyms including joint ones in the Far East press. The ideological and thematic content of the feuilletons Boole-Boole and Malka-Oriole, their genre and style realization were analyzed. It is noted that the final decisions in the creation of such poetic works were dictated, firstly, by the socio-historical and socio-political orientation of modern poetry and the principle of factography, i.e. “the latest news”, and, secondly, by the intention towards a high artistic level. Nevertheless, the feuilletons by N. Aseev and S. Tretyakov harmoniously combined the spirit of time with “Aesopian language”, orientation on traditions of Russian satire with modernist innovations of the Silver Age — philological experiments and language fun techniques mastered in the Far Eastern practice by well-known futurist poets. The novelty of the research is that N. Aseev's and S. Tretyakov's unknown texts have been introduced into scientific discourse for the first time. The texts are found in the funds of the Far East archives: the State Archive of the Primorye Region, the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Khabarovsk Region.

Keywords: feuilleton, Nikolay Aseev, Sergey Tretyakov, Boole-Boole, Malka-Oriole, Ginseng, Far East periodical press at the beginning of the 1920^s.

Особое место в сложных общественно-политических условиях Дальнего Востока (Гражданская война, иностранная интервенция, создание буферного государства — Дальневосточной республики, наличие в Приморье представителей всех классов и социальных слоёв, борьба различных партий и групп, белоэмиграция) заняли сатирические жанры, в частности поэтический фельетон. Во многих владивостокских газетах начала 1920-х гг. печатались поэтические пробы пера, так называемые фельетоны на злобу дня. Ершистые, смеющие задеть кого угодно, они чаще всего публиковались под псевдонимами. Нельзя не согласиться с А. Ревоненко, который писал, что «смелость и резкость суждений в то время неизбежно сопровождалась возникновением псевдонимов — по понятным причинам дело необходимое. Особенно это относилось к авторам фельетонов» [16, с. 135]. Жанр поэтического фельетона, что отмечали в своё время

дальневосточные литературоведы В. Пузырёв [13] и В. Трушкин [20], получил большое распространение в дальневосточной печати 1920-х гг. как наиболее адекватная форма сатиры.

Известный советский литературовед Л. Ершов, говоря об основных этапах истории развития фельетона, указывал на сложную природу этого художественно-публицистического жанра. Первоначально он мыслился как форма газетной статьи, но его «нужно рассматривать прежде всего как особый принцип отображения жизненного материала, как жанр, возникший в результате огромных социальных сдвигов и создавший определённые художественные особенности этого изображения» [5, с. 97]. Со временем фельетон определился «как жанр преимущественно сатирический с использованием иронии, гиперболических заострений, с ассоциативным развитием комической темы» [5, с. 99]. Наряду с прозаическим фельетоном Л. Ершов выделял фельетон стихотворный, у истоков которого стоял Д. Бедный. Жанровая природа обличительных стихотворений Д. Бедного была не столько аналитической, сколько информационной: «Не разбор, а комический комментарий конкретного жизненного факта лежит в основе такого произведения», — писал исследователь [5, с. 130].

Дальневосточный поэтический фельетон конца 1910-х — начала 1920-х гг. больше всех был связан со сложной исторической ситуацией тех дней, он наполнялся реальным материалом. В связи с этим целью исследования стал анализ фельетонного творчества дальневосточных поэтов и в особенности таких статусных представителей гражданской лирики того времени, как Н. Асеев и С. Третьяков. В стихах-фельетонах поэты, например, разоблачали сотрудничество эсеро-меньшевистских «деятелей» с интервентами, клеймили их как агентов империализма в ДВР, осмеивали атаманов Калмыкова и Семёнова, продажных журналистов, закрывавших глаза на кровавые расправы с мирным населением края. Поэты не чурались и таких «непоэтических», но важных для читателя тем, как голод, разруха, обеспечение населения топливом [13, с. 8]. Жанр стихотворного фельетона открывал большие возможности для настоящего общения с читателем. Любопытно признание читинского поэта Петра Незнамова, примыкавшего к дальневосточным футуристам: «Жёсткость каждодневных политических заданий всё время контролировала поэта, учила писать доходчиво. Становилось ясным, что читательская аудитория это тоже — компонент стиля и её со счетов не сбросишь. Всё время в таких случаях в газетах стоял пример Маяковского. Тень последнего отбрасывалась из Москвы» [9, с. 357]. Трудно не признать, что большие возможности для такого настоящего общения с обычным читателем открывал жанр стихотворного фельетона.

К газетно-журнальному жанру фельетона в стихах на страницах дальневосточной, и уже — владивостокской периодики начала 1920-х гг. активно обращались местные поэты Николай Шилов (псевдонимы: Коля Шилов, Николай Ш., Н.Ш., Энша, герцог Лоренцо) и Ноэль (псевдоним писателя Вадима Павчинского). В дальневосточной поэзии тех лет значительное распространение получили послание, политический памфлет, эпитафия, поэтическая пародия, шарж, экспромт, эпиграмма. Для изучаемого периода

были также характерны жанровые контаминации (смешение) и расцвет лиро-эпических жанров, связанные с усилением в поэзии общественно-го начала: «политикосказочка», «интервенцио-сказочка», «поэзотрагедия», «кредитопоэза», «политико-драма», «трагедия-буфф», «трагикомедия», «владиво-баллада», «владиво-мифология». Как можно наблюдать, в этот период появляются новые жанровые дефиниции с региональным оттенком («владиво-баллада», например). Некоторые подобные новообразования не имеют аналогов, поскольку не получили истории развития, были характерны лишь при наличии и в результате особой общественно-политической ситуации Дальнего Востока 1917—1922 гг. («интервенцио-сказочка», например) [см.: 8, с. 279—285].

Под устойчивыми псевдонимами на страницах местных газет и журналов в жанре сатиры выступали многие поэты и литераторы. Сегодня даже узкому специалисту по дальневосточной литературе первой четверти XX в. практически невозможно узнать, кто скрывался за фельетонами Дон Хуана де Базана, Эми-Гранта, Ариэля, графа Онучкина, Жоржа Тарантулова, Орфея с Корейской, Стилета, Иглы, Архимеда, Молотобойца, Наручкина, Кусаки, Краба, Камчатского волка, Гарпуна, Гризли, Хара-Кири, Лу-Лу и многих других. Этим имён не найти ни в работе о псевдонимах периода Гражданской войны на Дальнем Востоке А. Ревоненко [16], ни в работе «Псевдонимы литераторов-сибиряков» Е. Петряева [10].

Поэты-футуристы Николай Асеев (1889—1963) и Сергей Третьяков (1892—1937, реабилитирован в 1956) в самом начале 1920-х гг. оказались на Дальнем Востоке и сформировались здесь как активные газетчики, журналисты, редакторы, выпустили авторские поэтические книги. Николай Николаевич приехал в наш город осенью 1917 г., Сергей Михайлович — зимой 1919 г. Асеев выпустил во Владивостоке в 1921 г. в издательстве «Дальневосточная трибуна» поэтический сборник «Бомба». А Третьяков отпечатал даже два: в 1919 г. во владивостокской типо-литографии Иосифа Коротя вышла книга стихов «Железная пауза», в 1922 г. в читинском издательстве «ПТАЧ», в типографии ДВСПС, арендованной Губкомом РКП, увидел свет «Ясныш». Третьяков, представляя фракцию большевиков, занял высокий пост в правительстве ДВР, был назначен товарищем (заместителем) министра просвещения, заведовал государственным издательством. Друзья называли его дальневосточным Луначарским. В 1922 г. оба поэта с семьями уехали из Читы в столицу в специальном вагоне наркома, следовавшем до Москвы три месяца.

Однако несколько лет, проведённых на Дальнем Востоке, тремя стихотворными сборниками футуристов Асеева и Третьякова, конечно, не исчерпываются. Написано обоими поэтами было очень много разного, до сих пор, к сожалению, малоизвестного, не восстановленного по архивным публикациям в периодике начала 1920-х гг. Известно, что поэты-соратники писали фельетоны в соавторстве, для чего пользовались разнообразными псевдонимами. Этого требовало «литературное полуподполье». Сам Асеев позже вспоминал о годах, проведённых во Владивостоке: «Мы с Третьяковым с 1919 года вели в газете маленький политический фельетон под

общим псевдонимом Буль-Буль. В нём, насколько было возможно, пощипывались интервенты, атаманы и всевозможные дальневосточные претенденты на всероссийскую власть» [1, с. 131]. О том, какой фельетон Буль-Буля написан Асеевым, а какой Третьяковым, сказать трудно. Однако известно, что и под этим псевдонимом фельетоны писал главным образом Асеев. Был у Асеева ещё один, собственный, псевдоним — Малка-Иволга. Им во владивостокской печати он подписывал свои, чаще всего политические, фельетоны. Под совместным «Буль-Булем» поэты сотрудничали с владивостокскими газетами «Дальневосточное обозрение» и «Дальневосточная трибуна». У Третьякова тоже были собственные псевдонимы: Жень-Шень и менее известные — Точка, С.Т., Тютюн.

Под псевдонимом «Жень-Шень» Третьяков печатал во владивостокских полуполюгальных газетах стихотворные фельетоны в форме традиционных японских танка, насыщенных иронией и сарказмом, зло бичующих японских и белогвардейских генералов. Танка — национальная японская поэтическая форма, пятистрочие по пять и по семь слогов. Своеобразная шифровка достигалась С. Третьяковым следующим образом:

Оригинал:	Перевод:
Ходзя ина вон.	Хозяина вон
Ори, Оривы кину.	Ори ори выкину
Ато похаре.	А то по харе
Дзао корокуку сим	За окорок укусим
Поту рим ипо гоним.	«Потурим и погоним» ¹ [19, с. 58].

Стихотворение было посвящено теме интервенции и называлось «Оку па дзия», что безошибочно можно «перевести» на русский как «Оккупация». Сам Третьяков вспоминал, что этот фельетон был написан им через несколько дней после апрельского разоружения, в атмосфере наступившего полуподполья, и опубликован в газете «Красное знамя».

Другая танка была посвящена штабной японской газете на русском языке «Владиво-Ниппо», которая травила владивостокских коммунистов и председателя Приморской областной земской управы А.С. Медведева:

«Владиво Ниппо»!	«Владиво Ниппо»!
Мо тай, мо тай ядзи ком!	Мотай, мотай языком!
Натебе иену!	На тебе иену!
Уморику мунис та!	Умори коммуниста!
Побо риме дведе ва!	Побори Медведева! [19, с. 58—59]

В третьей танка говорилось о стремительно падающем сибирском (Колчаковском) рубле, которым торговали валютчики в кафе «Кокина» (чёрная биржа Владивостока):

¹ Здесь и далее при цитировании поэтических текстов сохраняется орфография и пунктуация источника.

Кати! Кати! Но!!	Кати! Кати! Но!!
Руб уко кината ет	Рубль у Кокина тает.
Яма вы рита.	Яма вырыта.
Христ тарادي похо ди!	Христа ради походи!
Кайся, кайся, иди от.	Кайся, кайся, идиот [19, с. 59].

Несколько лет спустя в «Штыке строк», опубликованном в московском «Новом Лефе» в 1927 г., С. Третьяков напишет: «50% „слов“ этих танок были настоящие японские, взятые из словаря. Звуковая сторона была выдержана (японский язык не знает звука „л“). Японцы читали и говорили: „Звучание наше, а смысла не поймём“. Прошло несколько дней, пока им расшифровали эти танки белогвардейские друзья» [19, с. 59].

Довольно часто в фельетонах Асеева и Третьякова фигурировали как собирательные образы безымянных японцев-интервентов, так и, конечно, образы конкретные, прототипами которых послужили исторические личности. К примеру, упоминались известные в то время на всём Дальнем Востоке России японские главнокомандующие, фамилии которых хорошо «ложились» на футуристическую рифму: «Слушай вой / Генерал Оой!», — писал Жень-Шень [19, с. 61]. Генерал Оой (или Оои) Сигэмото становился частым объектом насмешек и гневных обращений в дальневосточных стихах периода Гражданской войны и военной интервенции. Он был командующим японским экспедиционным корпусом в Сибири в августе 1919 — июле 1920 г. Как писал С. Третьяков, «японский главнокомандующий был вдохновителем всей той пытки, от которой страдал Дальний Восток в угоду интервенции. Последняя его мерзость была совершена накануне объединения всех дальневосточных разорванных областей под единой гегемонией большевистской Читы, заgrimированной буферным обозначением Дальневосточной республики» [19, с. 59].

Известен фельетон Третьякова о японском генерале армии Тачибане Коичиро, сменившем на посту в 1921 г. во Владивостоке Ооя. Тачибан был командующим японскими экспедиционными силами вплоть до момента эвакуации японских частей в октябре 1922 г. Фельетон посвящён японскому военачальнику, а также его сподвижникам, пригретым в японском штабе на станции Раздольной Приморского края и безнаказанно совершающим налёты и убийства. Стихотворение поэт выразительно и звукоподражательно озаглавил «Тачибандиты»:

Японские малые детки,	Неправда ли, очень потешно
Прочтите заметки	И пахнет детской сказкой —
О том, как ваши	Смотреть, как тобою повешенный
Большие	Висит и ногами ляскает?
Папаши	Приходило ль вам, детки, в голову,
Живут в России,	В порядке хотя б мечтаний,
Дружат с ними русские дяди	Как приятно жидкое олово
Со странными замашками,	Прожигает, шипя, гортани?
Им платят папаши, не глядя,	А ещё необычно приятно
Японскими бумажками.	Полоснуть по шее кинжалом.
Дяди бумажки прячут,	Крика нет, только тлеют пятна
А русские дети плачут.	На лице задрожалом.

А ещё забавно и очень
 (Если ты не совсем калека),
 Из-под чёрной накидки ночи
 Револьвер разрядить в человека.
 А когда делишки обделаны,
 Попивать в пересмешку чай,
 И слышать звенящее иенами
 «Получай».
 А затем, карандаш намусля,
 Писать обречённых список,
 А радость играла б на гусях,
 Чтоб юный задор не высох:
 А затем японский приятель
 Указал бы, с кого начать,
 Улыбнулся совсем обаятельно
 И притиснул свою печать.

Жисть раздольная
 Не в меру хороша,
 Подневольная
 Стараётся душа.
 Эх, молодчику
 Висеть бы на дубу,
 Ан —
 Он переводчиком
 В японском во штабу.

«Чего нам стесняться,
 Если плачут.
 Чего нам бояться,
 Если прячут.
 Значит, рёбра не колочены,
 А погоны позолочены,
 А посуточно уплочено —
 Значит,
 Захочу — и быть по-моему.
 Захочу — не трону.

Я вверну себе обойму
 С восемью патронами.
 Слово — «хам» на лбу не липнет;
 Не клеймо, не горячо;
 А зато нагайка хлипнет
 Через левое плечо.
 Мне ль стесняться, словно бабе,
 Офицер — не фунт го...
 А зато в японском штабе
 Мне уплачено сполна...».

Ходит злоба во народе,
 Меледя, шевеля,
 Во мужицком огороде
 Конопля, конопля.
 Даже божии коровки
 Коноплю трепать пошли.
 Ах, и крепкие ж верёвки
 «Из мужицкой конопли».
 Под Раздольным наших мучит
 Японча до мертва,
 А в лесах у нас дремучих
 Деревя, дерева.
 Речи хмуры, будто шахты:
 «Подочтём-от барыши».
 Эх, на наших деревьях-то
 Сучья-крючья хороши.

Нежным клювиком собирая
 Справедливости росу,
 Зарубите, самураи,
 Эту сказку на носу.
 И внесите-ка в учебник
 Для японской детворы,
 Что поют у нас в деревне
 От папашиной игры [19, с. 62—64].

«Вся трёхлетняя газетная работа на Дальнем Востоке была под знаком яростного сопротивления оккупантскому нажиму и издевательствам белогвардейщины, жившей под крылышком японского штаба», — подытожит С. Третьяков [19, с. 58].

В том же «Штыке строк» Третьяков напишет и о поэтическом содружестве: «Асеев пишет маленькие фельетоны под псевдонимом Буль-Буль. Мой псевдоним — Жень-Шень. Иногда мы бульбулим вместе, по строфе на брата» [19, с. 59]. Позже, в 1922 г., в читинский период своей деятельности, Асеев и Третьяков возьмут совместный поэтический псевдоним Омнибус, а Деревообделочник станет коллективным псевдонимом Асеева,

Третьякова и Незнамова. Исследователь Д. Рачков в своё время отмечал индивидуальные стилистические особенности «фельетонной манеры» поэтов, сформировавшейся на Дальнем Востоке: «У Третьякова это почти по-словичная краткость, афористичность, сатирический гротеск, пристрастие к прямому обращению к читателю — лозунгу и призыву; Незнамов и Асеев чаще прибегали к пародийному использованию мотивов и образов русской поэзии, разрабатывая их применительно к „местным условиям“» [14, с. 12].

Обнаруженные на страницах владивостокской периодики фельетоны позволяют сделать следующие выводы. Манера фельетонистов Малки-Иволги и Буль-Буля характеризовалась фактографичностью. «Нужен был факт, конкретный случай, приключившийся на Светланской ли <...>, в Народном собрании, в аптеке, на границе, в Вашингтоне, в Пекине, в Харбине ли...», — писал О. Смола [17, с. 106]. Исследователь сделал одну из первых попыток очертить агитационно-политическую составляющую творчества Н. Асеева, что, несомненно, является интересным и крайне значимым фактором при рассмотрении творческой эволюции поэта в 1917—1922 гг., но недостаточным. Как правило, сюжет фельетона брался поэтами из самой гущи жизни: из газетных сообщений о положении на фронтах, высказываний крупнейших деятелей международной реакции, считавшихся столпами политики, и т.д. Основанием служил фрагмент из газетной хроники, какой-нибудь так называемый прозаический эпиграф в несколько строк с фабульным содержанием, и именно на эту тему развивался поэтический сюжет. Взятые в виде своеобразных эпиграфов, эти материалы ещё более оттеняли, подчёркивали фактическую достоверность, подлинность фельетона. При этом те же самые эпиграфы, «породившие» и «поддерживающие» фельетон, часто неизбежно делали стихотворение гиперреалистичным, сжимая лирическую суть. Так, содержанию фельетона Малки-Иволги «Агентские арфы» предшествует рассказ о противоречиях в сообщениях агентств «Рейтер» и «Кокусай» о генерале Врангеле и его войсках: то ли он со своей армией разбиты большевистским отрядом, то ли кавалерия Врангеля окружила корпус большевиков:

Не понять и ангелам
Жизни нашей бреда:
Что случилось с Врангелем:
Крах или победа?
«Рейтеру» ль поверю я —
Выйдет: белых сила
Красных кавалерию
В лоск перекосила.
Но едва прочитаны
Вести «Кокуса»,
Белые расщипаны,
Все бегут бросая!..
Сидя над газетою,
Видя телеграммы те,

Я тихонько сетую,
Что учился грамоте...
Жизнью беспросветною
Паки жил и паки,
Знал бы зори росные,
Не читал бы враки.
Не дурили б голову
«Кокусай» и «Рейтер»,
Арфою Эоловой
Не игрался б ветер.
Милые родители,
Обучая грамоте,
Как вы не провидели
Горе-телеграммы те?²

² Малка-Иволга. Агентские арфы // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 23 июля. (ГАПК) «Дальневосточное обозрение» — ежедневная газета, официальный орган правительства ДВР, редакторы Н.К. Новицкий и Н.Н. Асеев.

Эвакуации японских войск из Читы посвящён сатирический фельетон Буль-Буля «Эвакуационное рыдалище», поэтический текст которого предваряла информация из газет о том, что командующий 5-й армией Сузуки в интервью сообщает, что при эвакуации японских войск из Читы всё население, исключая закоренелых большевиков, провожало их с великим сожалением, заливаясь горючими слезами:

Стоит над Японией шум и звон,	И все мышинные жеребчики
Лезут газеты из кожи вон:	Пускали слёзы скромно в нос.
То под команду Сузуки	Как овдовевшие любовники,
В отечественные порты	Кинжалы мук во грудь вонзая,
Приехали баши-бузуки	Рассолом взмокшие чиновники
Из обездоленной Читы <...>.	Кричали русское: «банзай!».
Водопроводы, а не проводы	Из глаз струились слёзы речками.
Нам запатронила Чита,	Рыдали люди всяких сфер:
Бросали дамы в воздух чепчики,	Энесы плакали с эсдечками,
Давились девочки от слёз,	Стонал припадочно эсер! ³

Ирония здесь достигалась в том числе и через сатирический образ многословных самураев и интервью самого Сузуки.

Этот фельетон Буль-Буля был опубликован во владивостокской газете «Дальневосточное обозрение» 25 сентября 1920 г. Архивная работа с газетами проясняет, что предшествовало этой сатире заявление, сделанное покидающими Читу японскими войсками. За месяц до появившегося сатирического произведения Буль-Буля в газете «Забайкальская новь» от 19 августа 1920 г. было помещено «Обращение к русскому населению начальника 5-й японской дивизии», датированное 15 августа. В нём говорилось: «Русские граждане! В настоящее время прекращены военные действия на всех фронтах Российской Восточной Краины, и наблюдается возможность созыва съезда представителей от всех Дальневосточных властей для того, чтобы создать объединённое Правительство. Таким образом в политическом отношении в Российской Краине наблюдаются признаки успокоения, а поэтому наша дивизия, согласно заявления Правительства, приступает к эвакуации из Читы.

Граждане! Я искренне желаю, чтобы вы дружно приложили все старания к устройению не коммунистического правительства, ведущего здоровую политику. Расставаясь с дружественной Читой, я сердечно желаю всем вам счастья и полного благополучия! Генерал-лейтенант Судзуки. 15 августа 1920 года. Чита»⁴.

Нельзя не отметить, что те же самые газеты сегодня, спустя сто лет, являются факты далеко не однозначно негативного отношения японцев к русским и русских к японцам, факты, требующие пересмотра и осмысления. Поэтому

³ Буль-Буль. Эвакуационное рыдалище // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 25 сентября. (ГАПК)

⁴ Судзуки. Обращение к русскому населению начальника 5-й японской дивизии // Забайкальская новь. Чита. 1920. 19 августа. (ГАХК) «Забайкальская новь» — ежедневная политическая, литературная и общественная газета, редакторы А.Я. Иванова, Ю.О. Горбатовский, Г.Я. Лебедев, М. Рабинович.

в наше время нередко встречаются подобные — нижеприведённые — размышления, и с ними трудно не согласиться: «Когда читаешь местные газеты того времени, складывается впечатление, что экспедиционный корпус во многом был поддержкой для местного населения. Известны факты (из архивных документов), когда японцы по представлению станичных атаманов, местных руководителей брали на полное своё обеспечение семьи погибших белых офицеров и белоказаков, снабжали товарами и продовольствием население, причём часто по ценам ниже рыночных, проводили благотворительные акции в праздники свои и русские. Информировали русское население о своих планах и действиях, о проведении учений, стрельб давались объявления в печати» [4].

Уходя из Читы, японцы обращались к населению Забайкалья с такими словами: «В настоящее время, наблюдая наступление успокоения в политическом положении Дальнего Востока, японские войска в Забайкалье, по распоряжению своего Правительства, возвращаются на родину, с сожалением расставаясь с вами, дружественным нам населением. Японская военная миссия, бывшая посредником между русским и японским командованием в Чите, пользуясь настоящим случаем, искренне благодарит вас за оказанное ей вами дружественное расположение. Как не может измениться географическое положение Японии с Россией, так никогда не может измениться и принцип, на котором основаны дружественные отношения между ними.

Должно воздать благодарение Богу за то, что самая чистая искренность японских экспедиционных войск в течение двух истекших лет посеяла в сердцах обоих народов наших дорогое семя необходимости дружбы между Японией и Россией. Должно верить, что это семя взойдёт, возрастёт и даст плоды, которые принесут обоим народам радость и счастье.

В заключение ещё раз выражаем вам глубокую благодарность за ваши радушные и дружественные к нам отношения, молимся за ваше счастье. Начальник японской военной миссии — полковник Куросава. 15 августа 1920 года. Чита»⁵.

Однако, безусловно, фельетонисты Асеев и Третьяков были неумолимы в отношении изгнания японского корпуса из России, их гиперболизированная сатира была жестка и не допускала даже элементов иронии:

И даже вылезший из Шилки
Дальневосточный крокодил,
Слезу лия, как из бутылки,
К нам попрощаться приходил...⁶

В эпоху смены власти и катастрофичности происходивших в России событий странно было ждать от поэтов — рупоров эпохи лояльного отношения к оккупантам — заострения внимания на социальной или повседневно-бытовых сферах. Не в первую очередь волновало их и измученное войнами,

⁵ Судзуки. Обращение к русскому населению начальника 5-й японской дивизии // Забайкальская новь. Чита. 1920. 19 августа. (ГАХК)

⁶ Буль-Буль. Эвакуационное рыдалище // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 25 сентября. (ГАПК)

разрухой, голодом русское население и уж тем более не хотели и не могли они обращать внимание на поддержку, оказываемую японским корпусом местным жителям. И Третьяков, и Асеев творили в контексте своего времени и гражданской позиции, продиктованной главной идеей — освобождением Дальнего Востока от интервентов для будущего построения советского государства. Конечно, декларативность, риторическая патетика, гнев фельетонистов не могли соседствовать с гуманистическим пафосом и объективным взглядом на происходящие события, как в парадигме исторических событий, так и на художественном уровне. Поэты не могли идти вразрез с общими тенденциями прокоммунистической, социалистической дальневосточной печати, отсюда в наше время понятно игнорирование положительных моментов.

Думается, что тема творческих, профессиональных, товарищеских и просто человеческих русско-японских связей в литературе Дальнего Востока этого периода должна стать результатом отдельного, весьма сложного исследования. Особенно учитывая тот факт, что некоторых поэтов того времени, как, например, и самого Асеева, не обошло стороной «творческое сотрудничество» с японскими властями. Это привело, к примеру, к тому, что соратник и друг Асеева — поэт и художник Д. Бурлюк — в октябре 1920 г. из Владивостока уехал в Японию, оттуда эмигрировал в США. Конечно, о любых контактах или какой-либо поддержке русского писателя со стороны японских властей большому советскому поэту Асееву — обладателю Сталинской и Ленинской премий — опасно было впоследствии даже упомянуть на протяжении всего XX в. Известно, что сам Асеев при жизни не пытался подробно восстановить свой «владивостокский» период творчества, «открещивался» от него, позиционируя созданное там как малоценное, не представляющее интереса для исследователей. Очевидно, поэт боялся, что вместе с «владивостокским» литературным багажом неизбежно всплывут неоднозначные или нелицеприятные в советском уже государстве факты его биографии, связанные с пребыванием на захваченном интервентами Дальнем Востоке России. От эмигранта Бурлюка как друга и соратника впоследствии Асеев тоже отказался. Сегодня мы не вправе винить его за это.

Тем не менее ещё раз подчеркнём, что русско-японские связи были во многом определены и самой системой межкультурных коммуникаций дальневосточного трансграничья. Как известно, литература российского Дальнего Востока и восточной ветви русского зарубежья сформировалась при интернациональном сосуществовании и была обусловлена наличием диалога культур, гармоничным сочетанием восточной и западной цивилизаций, азиатского и русского. Весьма перспективным в наше время видится изучение аксиологических оснований дальневосточной литературы посредством анализа таких её составляющих, как регионализм, фронтирность, ориентальность [7].

Дальневосточный исследователь В. Пузырёв в начале 1970-х гг. справедливо отмечал — и с ним нельзя не согласиться, — что нередко сюжеты фельетонов Асеева и Третьякова строились на курьёзных случаях, недоразумениях, хронике происшествий, на единичных фактах. Но Асеев и Третьяков искусно подают материал. Он приобретает не избирательный, а обобщающий

смысл [12, с. 42]. Таков, например, фельетон Малки-Иволги «Последнее средство по проверке правильности кубатуры», предметом сатиры которого, своеобразным предисловием служит следующий газетный факт: «Ночью в квартире домовладельца И. Антошкина, проживающего по Светланской улице, № 113 (центральная улица Владивостока. — *Е.К.*), произошёл взрыв орудийного снаряда. По прибытии на место происшествия чинов милиции в комнате на полу обнаружено несколько осколков от артиллерийского снаряда мелкого калибра. В комнате причинены незначительные повреждения стен и разбиты в окне все стёкла. Произведённым осмотром установлено, что взрыв произошёл не иначе, как от выстрела из орудия на дальнем расстоянии, попавшим, очевидно, случайно в комнату через окно. Жертв с людьми не было. Кто стрелял и откуда — выяснить до сих пор не удалось». А далее в газете «представлен» сам сюжет, но уже в поэтической форме:

Дошли до последней как раз точки!	Как выспаться всласть.
Это ли вам безделица? —	А где-то, раззявив медную пасть,
Снаряды порхают, как ласточки,	На него уже щурится пушка...
В окна домовладельцев!	И — только храп восприимлет подушка
Есть после этого у нас порядок?	И — только первый сладчайший сон —
Ложится человек в постель,	Кэ-э-эк ухнет!!!
Не думая ни о каких снарядах,	И — распался пригрезившийся Вильсон,
Не представляя себе иную цель,	И трепещут, рыдая, кастрюли на кухне... ⁷

Личное, конкретное происшествие приобретает здесь обобщающий смысл — через представленный курьёз акцентируется внимание на военном положении Владивостока (пушка заряжена) и политической нестабильности ситуации многострадального города и всего Дальнего Востока того времени.

Нельзя не согласиться с тем, что поэтическая агитация и пропаганда газетчиков Асеева и Третьякова в условиях Гражданской войны и военной интервенции была трудным делом и носила подчас опасный характер. Но в контексте того времени «стихотворные фельетоны и агитки были своего рода уроками политграмоты для масс. Они разъясняли рабочим, крестьянам, солдатам политику большевистской партии, агитировали за неё на выборах в Народное собрание ДВР, отгесняя меньшевиков, эсеров...» [18, с. 161]. Безусловно, в рамках своего времени поэты выступали с пропагандой советской власти на Дальнем Востоке, агитацией против белогвардейцев и их вождей, продажной политики Временного коалиционного правительства, против разного рода клеветы или недомолвок. По этим причинам поэты нередко прибегали к сатирическим жанрам, например к так называемой злободневной частушке, являющейся одной из самых «демократически-раскрепощённых» форм устного народного творчества. К слову, сибирский исследователь Л.Е. Элиасов собрал и опубликовал часть стихов, песен, частушек тех лет в сборнике «Стихи, песни и частушки времён Гражданской войны в Забайкалье» [21].

⁷ Малка-Иволга. Последнее средство по проверке правильности кубатуры // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 24 июня. (ГАПК)

Подобные «злободневные частушки» об известном казачем атамане Григории Михайловиче Семёнове, деятеле Белого движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке, генерал-лейтенанте, творившем бесчинства, находим у Асеева — Малки-Иволги. Начиналась его частушка так: «Как передают, в районе Первой и Второй Речек (старейшие, наиболее населённые жилые районы Владивостока. — *Е.К.*) по квартирам обывателей ходят какие-то японские офицеры и задают вопросы: „Любите ли вы Семёнова?“. Не зная целей подобной анкеты и боясь попасть в ловушку, граждане в большинстве случаев отвечают, что сами не знают, т.к. Семёнов им почти не знаком». Малка-Иволга рифмует:

У нас климат сыроватый,
 Что ни вечер — то туман,
 Не слышать через вату,
 Кто такое атаман.
 Я сидел на Первой речке,
 Трубочкой попыхивал,
 Что такое тот Семёнов
 Никогда не слыхивал.

Объяснял я как-то другу
 «Невмешательство в дела»:
 Его баба с перепугу
 Вдруг до срока родила.
 Все вопросы классовые
 Разрешили часовые.
 Пулемёты ж критику
 «Наводят» на политику...⁸

Ритм частушки, традиционная форма исполнения, её второе (ироническое) «дно», сам выбор жанра настраивает на несерьёзное восприятие вопроса «Любите ли вы Семёнова?». В целом, говоря о народности языка в дальневосточном сборнике Асеева «Бомба» 1921 г., тираж которого был практически полностью уничтожен, можно отметить, что «дольник в его стихах, основанный на трёхсложных размерах, приобретал гибкость, выразительность, чистоту и полноту звучания. Принципиально он не отличался от русского классического стиха. Он, всё более отвечая фонетическим особенностям русского языка, теснее сближался с песенным творчеством народа» [12, с. 56].

Несправедливым было бы не отметить и тот факт, что для Асеева и Третьякова фельетонная работа в газетах и журналах Владивостока, Читы, Харбина, Шанхая, а также на страницах прочей русскоязычной прессы Дальнего Востока России и Китая неизбежно становится литературной «подёнщиной»: поэты вынуждены были зарабатывать. Поэтому немалая часть сохранившихся на страницах дальневосточной периодики фельетонов авторов имела часто полноценный стихотворный объём, с фактом, развитым сюжетом, мастерски прописанными образами. Несмотря на тенденцию к афористичности в собственном творчестве, Третьяков писал: «Работать фельетоны трудновато. Владивостокские газеты платят за строчку гривенник, „Шанхайская жизнь“ — пятак. Притом же строчка полнометражная, т.е. от рифмы до рифмы. Поэтому фельетон неизбежно растёт в длину» [19, с. 64].

Перечислим темы, вопросы, проблемы, нашедшие отражение в газетной агитации и пропаганде Асеева и Третьякова. Это валютные махинации финансовых учреждений Владивостока, эпиграммы на министров Временного

⁸ Малка-Иволга. Злободневные частушки // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 17 июня. (ГАПК)

коалиционного правительства («Эпитафии»), антирелигиозная пропаганда («Призыв», «Речь духовная», «Масштаб»), бульварная литература и её буржуазные истолкователи, лживость белой пропаганды («Милые бранятся, «Эс-эры в голосе»), прислужничество буржуазной дипломатии («Ода»), словоблудие буржуазных публицистов о характере революции («Песенка»), разглагольствования прессы о беспартийных взглядах («Счастливая Аркадия»), мнимая помощь белогвардейцев голодающим Дальнего Востока («Друзья в несчастье», «Избави бог от „друзей“, а от врагов сами избавимся»). Фельетоны Буль-Буля отличались злободневностью и особой острой сатирой. Некоторые названия сами по себе являются «говорящими». Так, о союзе Махно с Врангелем фельетон «Воля о „Гуляй Поле“»⁹, зарубежная и белая пропаганда разоблачена в «Русской колыбельной», «Лисьем брехе»¹⁰, «Русско-уродинных голосах»¹¹ — это словосочетание родилось из названий двух владивостокских газет — «Русский голос» и «Голос Родины».

В читинской газете «Дальневосточный телеграф», редактируемой Н.Ф. Насимовичем-Чужаком и ставшей основным печатным органом футуристов в городе, Жень-Шень публикует десятки стихов-фельетонов на злобу дня. Фельетоны Жень-Шень шли почти в каждом номере как своеобразный стихотворный комментарий к событиям внутренней и международной жизни: «Ой, Меркулову заботы», «Петлюрина дурь», «Эсер с меньшевичком», «Владивосток», «Десять держав», «Меркулов очень подло жил», «Белогвардейщина», «Сказочка о самурае», «В приморском сплошном застенке» и другие. Поэт откликался и на бытовые темы, но ведущим всё же у него был политический фельетон. Как и прежде, почти каждому фельетону предшествует цитата из информации или оперативных сводок, поступивших с оккупированной интервентами территории. Она заостряет значение стихотворения, привязывает его к конкретному событию, помогает объяснить читателю авторское отношение к этому событию. «Ллойд Джордж и Пуанкаре, марионеточные правители оккупированного японцами Приморья, польский сейм и Генуэзская конференция, белогвардейская пресса и японские полицейские, японцы, скорбящие об участии пойманного барона Унгерна, иронический отклик на бегство за границу одного из профессоров читинского института народного образования и отзыв на решение меркуловского правительства о прекращении «расхищения» казённых зданий военного ведомства — всё попадало под прицел поэта-фельетониста [см.: 20, с. 163—164].

Острые политические эпиграммы Асеева — Малки-Иволги «На отхожих промыслах» посвящены Лебедеву, Минору, Сталинскому и Зензинову,

⁹ Буль-Буль. Воля о «Гуляй Поле» // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 16 ноября. (ГАПК)

¹⁰ Буль-Буль. Лисий брех // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1921. 15 марта. (ГАПК)

¹¹ Буль-Буль. Русско-уродинные голоса // Дальневосточная трибуна. Владивосток. 1921. 14 апреля. (ГАПК) «Дальневосточная трибуна» — еженедельная общественно-политическая, экономическая и литературная газета со страницей на английском языке, редактор Г. Киевский.

издающим в Париже газету «За Россию»¹². В фельетоне «С востока свет» обыгрываются сведения РУСТА о формировании в Харбине временного российского правительства во главе с генерал-майором Тумбаиром и атаманом Семёновым:

Едва изгнали Калмыкова	Россию возродить пытались
И воцарился было мир,	Комуч, эсеры и Колчак,
Как в Харбине явился снова	Но плохо опыты удались —
Какой-то воин Тумбаир.	Теперь начнут совсем не так.
России новый возродитель	Полки польются вереницей,
И прежним вовсе не чета,	Дойдут до Балтики глубин
Теперь верховный он правитель —	И будет новою столицей
Его признала и Чита.	Первопрестольною — Харбин... ¹³

Князь Павел Петрович Малиновский служил в белых войсках Восточного фронта в частях Семёнова. В 1920 г. был генералом для поручений при главкоме всеми вооружёнными силами Дальневосточной окраины. В предреволюционные годы русский военный советник при монгольском правительстве Богдо-гэгена в Урге. Последний удостоил его титула тумбаир-гуна («сердцу моему близкого князя»). Тумбаир-Малиновский состоял в переписке с бароном Р.Ф. Унгерном.

У Малки-Иволги есть фельетоны-портреты: российскому послу в Вашингтоне Борису Бахметьеву, представляющему белогвардейские правительства до их падения, посвящён фельетон «Коловращенье света»¹⁴, польскому генералу Пилсудскому — «Поздно ночью»¹⁵, главе Временного правительства А.С. Медведеву — «Трудолюбивый историк (Сцена по Пушкину)»¹⁶. Международные политические темы поднимает Асеев в фельетонах «О самоопределении, пане Грабском и некоторых шкодливых, но визгливых шавках»¹⁷, «Сказ про алый жупан и былую славу»¹⁸, «Новая Гайавата»¹⁹. Периодическим изданиям и продажным журналистам посвящены фельетоны Малки-Иволги «Союз работников пера»²⁰, «Ещё „рабочее

¹² Малка-Иволга. На отхожих промыслах // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 14 мая. (ГАПК)

¹³ Малка-Иволга. С востока свет // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 19 февраля. (ГАПК)

¹⁴ Малка-Иволга. Коловращенье света // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 15 мая. (ГАПК)

¹⁵ Малка-Иволга. Поздно ночью // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 20 июня. (ГАПК)

¹⁶ Малка-Иволга. Трудолюбивый историк (Сцена по Пушкину) // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 27 июня. (ГАПК)

¹⁷ Малка-Иволга. О самоопределении, пане Грабском и некоторых шкодливых, но визгливых шавках // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 15 июля. (ГАПК)

¹⁸ Малка-Иволга. Сказ про алый жупан и былую славу // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 29 мая. (ГАПК)

¹⁹ Малка-Иволга. Новая Гайавата // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 1 мая. (ГАПК)

²⁰ Малка-Иволга. Союз работников пера // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 13 мая. (ГАПК)

перо»²¹, «Обозрение „Таймса“»²². Асеев — Малка-Иволга задорно пишет и на бытовые темы: о повышении аптеками цен — «Последняя новость в области фармакопеи»²³, о запрещённых валютных сделках на доллары и иены — фельетон «Грушко и Чернега»²⁴. Это далеко не весь перечень обнаруженных фельетонов Асеева и Третьякова.

Среди особенностей стиля Асеева можно отметить элементы традиционной русской сатиры. Так, в фельетоне «На халаты — заплаты, а под халаты — латы» поэт едко высмеивает прекраснородушных «демократов» Кроля и Виноградова из владивостокского Народного собрания, которые в страхе перед партизанами, подступающими к городу, попросили главу японских интервентов генерала Ооя «заявить, что коммунизм никогда не будет допущен в Приморье...». «Так генерал и поступил, поступил честно, как его просили». В этом и ряде других фельетонов Асеев использует мотивы и образы русской сатирической поэзии прошлого, в частности творчества А.К. Толстого, адаптируя их применительно к «местным условиям»:

...Испугались демократы,
к генералу прут в палаты:
«Чем мы виноваты,
что мы подловаты?».
Говорит Оой им: «Дети,
что скажу на вопли эти?
Большевизм у вас в расцвете,
Если нужно — нате плети
и себя отметьте!».
Взвыли хором: «Нет! Не надо!
Не хотим платиться задом,
мы дрожим пред красным адом,
дайте нам охрану на дом!!».
Слёзы ж прямо градом <...>.
Принимая их в передней,
он сказал им: «Всё зловредней
большевистских бремя бредней!

Вы ж слышали, чай, намедни;
демократ я средний!» <...>.
Ах, одним «свободным» Кролем
слёз в связи с сим чан был пролит.
Всех он злей в гражданской роли,
к небесам взывал: «Доколе?!».
В грудь бия до боли.
Тех же слёз крупнее града
выжал бочку Виноградов.
Прямо не было с ним слада!
Вы таких помимо ада
видывали гадов?
Так в Приморье «демократы»
без особо сильной траты,
без особо крупной платы
под идейные «халаты»
подделывали «латы»²⁵.

Фигурирующий в фельетоне Лев Афанасьевич (Моисей Ааронович) Кроль значился одним из представителей владивостокской политической элиты. В 1921 г. издал в нашем городе свою довольно объёмную

²¹ Малка-Иволга. Ещё «рабочее перо» // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 16 мая. (ГАПК)

²² Малка-Иволга. Обозрение «Таймса» // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 16 июля. (ГАПК)

²³ Малка-Иволга. Последняя новость в области фармакопеи // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 12 июня. (ГАПК)

²⁴ Малка-Иволга. Грушко и Чернега // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 27 июня. (ГАПК)

²⁵ Асеев Н. На халаты — заплаты, а под халаты — латы // Дальневосточная трибуна. Владивосток. 1921. 7 апреля. (ГАПК)

книгу «За три года: воспоминания, впечатления и встречи». Лидер кадетской фракции, адвокат, литератор, этнограф, участник литературной жизни в Харбине, он был частым объектом сатирического и карикатурного осмеяния в городских газетах. Одна из эпиграмм на Кроля гласила:

Пресноводное страшило,	Происходит от Арона,
Весь мерлушкою оброс	Треплет лавры Цицерона,
И в Нарсобе словно шило —	А вообще, как говорят,
То запросы, то вопрос,	Самый умный демократ ²⁶ .

Подобных эпиграмм и шаржей на разных представителей политической элиты Владивостока на страницах дальневосточных газет начала 1920-х гг. сохранилось немало, среди них, например, в качестве объектов осмеяния зафиксированы: министр иностранных дел В.С. Колесников, депутаты М.Н. Павловский и Густов, лидер «крайней правой» партии депутат П.В. Оленин, «сверкательный демократ» князь А.А. Кропоткин, депутат Назаренко из «соломенной фракции», военный прокурор И.М. Старковский, депутат и «демократический гусяр» С.Ф. Знаменский [6, с. 395—396, 545]. А вот эпиграмма на товарища председателя Народного собрания В.Г. Болдырева:

Покорный закону,	В Сибири, Сибири
Таскал эполеты,	На грех — не везло.
Короне и трону	Крушенье на диво,
Слагал триолеты,	Совдеп не Нарсоб,
Сидел под арестом	Примчался в Владиво
В советском кафе,	И стал главкосоп.
Гонимый зюйд-вестом,	Крушенье вторично,
Проснулся в Уфе.	Сам чёрт — панибрат,
«Взглянуть бы пошире	Помолвил: «Отлично!»
И вырвали б зло»,	И стал — демократ ²⁷ .

Шарж на депутата Михаила Наумовича Павловского, «фабриканта су-меречных запросов»:

Ущемив за хвост селёдку,	Трубадур был земской власти,
Тряс козлиной бородой,	Был гусей охотник ясти,
Трескал с Розановым водку,	И вопит, как съел Меркул:
Виски-соду пил с Гайдой.	«Караул да караул!...» ²⁸ .

²⁶ Шаржи юга. Лев Афанасьевич Кроль // Владиво-Ниппо. Владивосток. 1921. 29 сентября. (РГИА ДВ) «Владиво-Ниппо» — ежедневная газета японского генерального штаба, с 11 апреля 1920 г. выходила на русском языке, редактор А. Несмелов, издатель Идзуми Реноскэ (Рионосукэ).

²⁷ Шаржи юга. Василий Георгиевич Болдырев // Владиво-Ниппо. Владивосток. 1921. 21 октября. (РГИА ДВ)

²⁸ Шаржи юга. Депутат Михаил Наумович Павловский // Владиво-Ниппо. Владивосток. 1921. 7 октября. (РГИА ДВ)

К слову, следует отметить, что В.А. Виноградов, Л.А. Кроль, С.Ф. Знаменский, В.И. Моравский, М.Н. Павловский редактировали внепартийную демократическую газету «Вечер», выходившую во Владивостоке в 1920—1921 гг.

В публикуемых в октябре 1921 г. в газете «Владиво-Ниппо» так называемых «Шаржах юга» фигурировали также местные поэты и литераторы: Вс.Н. Иванов («Serenitas, или Пипифакс доктора Финка»), А.И. Журин («Голосородинский баян»), Ю.И. Галич («Орхидейный поэт»), Л.Д. Тяжелов («Информационный маг, профессор и поэт») и другие [6, с. 298, 506, 545].

В некоторых фельетонах Асеев следует традициям сатирических «гимнов» В. Маяковского. Нарисованный Асеевым — Третьяковым образ «профессора» из фельетона «Тарзан или Мацист»²⁹ напоминает фигуру знаменитого учёного — «двуногое бессилие» из «Гимна учёному» Маяковского. От Буль-Буля досталось профессору А. Георгиевскому, литератору, лектору, в начале 1920-х гг. — преподавателю историко-филологического факультета Государственного дальневосточного университета (ГДУ, ДВГУ, в наши дни — ДВФУ) во Владивостоке. Подобно Маяковскому, Асеев создаёт стихи-агитки, использует частушку, народный раёшник, сказку («Сказ», «Несмеяна»).

Примером неспешной крестьянской «демяновской» манеры является фельетон Малки-Иволги «Приморские Спиридоны»:

По Приморью ходит шум
перекатами,
Расшумелся Спиркин кум
перед хатами:
«Я вам песенку спою,
В тесный стан скую,
Верьте в бороду мою,
Во хрестьянскую.
Мы войдём толпой в Нарсоб
Волей нашею,
А в Нарсобе Спирьку — цоп,
Да и в зашею.
Мы, вишь, те же мужики,
Смыслом делимся!».
Мужики же, как жуки, загудели все:
«Ты нам эти пустяки
Не втуманивай,
Чтоб глядеть из-под руки
Атаманьевой.
К нам с меркуловской не лезь
Ты Нарсобкою,
Мы свою откроем здесь
Перед сопкою!..».

Возвратившись вспять, эсер
Начал сетовать:
«Я ль не в утренней росе
Мыл Мансветова.
В чём нас, в чём нас упрекнут?
Всё истратили,
А везде взялись за кнут
Избиратели...
Перед кем я до сих пор
В ноги падаю?».
И ответило из гор:
«Пред Шимадою!».
«Вздор?, — вскричал эсерик, — вздор!
Наша ж партия...».
Но взгремело вдруг из гор:
«Ну-ка, шпарьте их!».

Дни пройдут. И ряд могил
Вместе сгрудится.
Кто народные враги —
Позабудется.

²⁹ Буль-Буль. Тарзан или Мацист // Дальневосточная трибуна. Владивосток. 1921. 24 февраля. (ГАПК)

Зарастёт по нас пырей
С белой кашкою,
Вместо прежних упырей
Станут сказкою.
Но брезгливо чуя дрожь
Перед оними,

Назовёт народ их сплошь:
«Спиридонами».
Ибо, где там голова,
Где там тулово —
Разберут тогда — едва ль
У Меркулова³⁰.

Главу Временного коалиционного правительства Меркулова звали Спиридон Дионисьевич. 26 мая 1921 г. во Владивостоке в результате очередного переворота он возглавил Временное Приамурское правительство, контролировавшее территорию Приморья и части Хабаровского края, а его родной брат Николай в мае 1921 — июне 1922 г. при этом правительстве стал министром военно-морских и иностранных дел. До октября 1922 г. Николай также исполнял обязанности министра иностранных дел в правительстве М.К. Дитерихса. В народе меркуловское правительство называли «пиджаки» [15, с. 147]. Братья Меркуловы остались в истории Дальнего Востока как предприниматели, общественные и политические деятели, участники Гражданской войны. По инициативе Спиридона в 1921 г. был создан Национально-демократический союз. Николай был владельцем пароходства на Амуре и спичечной фабрики во Владивостоке, получил также известность как многолетний член Владивостокского биржевого комитета и Приморской торгово-промышленной палаты. Оба с 1923 г. жили в эмиграции, Спиридон — в США (Сан-Франциско), Николай — в Маньчжурии, где стал советником китайского генерала Чжан Цзунчана и правителя Маньчжурии Чжан Цзолиня, организатором и спонсором Русской фашистской партии.

Фельетон «Приморские Спиридоны» был посвящён пособникам Спиридона Меркулова эсерам Мансветову, Погребецкому, Калюжному, Абоимову, прошедшим в Народное собрание. Произведение впервые было опубликовано в читинской газете «Боец и пахарь» в июле 1921 г. В это время генерал Тачибан сменил Ооя, а С. Меркулов управлял Владивостоком и «распродавал по дешёвке тем же японцам военные и портовые запасы многострадального города» [19, с. 58]. В фельетоне, вероятно, упомянут и «один из самых влиятельных японских предпринимателей на российском Дальнем Востоке Симада (Шимада) Мототаро, имевший среди японцев прозвище „губернатор Николаевска-на-Амуре“» [11, с. 73].

«На дальневосточном конце ДВР идёт мучительный бой с засевающим во Владивостоке быкоголовым домовладельцем Меркуловым, — пишет Третьяков, находясь уже в Чите. — Меркулов — последняя ставка японской интервенции. Он подымает в поход остатки колчаковских армий, но Красная армия, под командой Блюхера, сквозь мороз и проволочные заграждения, сквозь огонь белогвардейских броневиков проламывается через реку

³⁰ Малка-Иволга. Приморские Спиридоны // Боец и пахарь. Чита. 1921. 24 июля. (ГАХК) «Боец и пахарь» — ежедневная газета издания Военно-политического управления ДВР.

Ин к Хабаровску, знаменуя начало окончательного конца для белого Владивостока» [19, с. 74—75]. Удачно зафиксировал в своих записных книжках происходившие тогда в нашем городе военно-политические события дальневосточный исследователь А.В. Ревоненко: «Известный в крае купец Спиридон Меркулов в одной из своих речей как-то сказал: „Вопрос стоит в том, бежать ли за границу, бежать ли в сопки или что-нибудь надо делать, а делать надо так, как делают большевики, то есть брать нахальством и смелостью“» [15, с. 147]. Также Анатолий Васильевич в воспоминаниях о талантливом писателе, философе, журналисте Всеволоде Никаноровиче Иванове среди прочего цитирует работу вышеупомянутого В.Г. Болдырева. Участник Русско-японской и Первой мировой войн, деятель Гражданской войны, экстраординарный профессор Академии генерального штаба генерал-лейтенант В.Г. Болдырев с мая 1920 г. был председателем особого комитета по организации работы для демобилизуемых, с июля — управляющим военными и морскими делами Временного правительства Дальнего Востока, в июне 1921 г. стал председателем Российской делегации по русско-японской согласительной комиссии, в июле — товарищем председателя Приамурского народного собрания. После окончания Гражданской войны остался во Владивостоке, а в ноябре 1922 г. был арестован, осуждён и в 1933 г. расстрелян. Болдырев писал в работе «Переворот братьев Меркуловых»: «Меркуловское правительство, назвавшееся Приамурским, показывало распространение претензий не только на Приморье, но и на Амурскую область <...>. Спиридон Меркулов человек чрезвычайно хитрый, честолюбивый и энергичный. В довоенное время он был одним из крупных сотрудников бывшего генерал-губернатора Гондатти, хорошо знал край и местные условия. Вместе с братом Николаем являли образец грубой силы и прямой воли. Эти два человека фактически стали господами положения» [3, с. 23—25]. «Не буду говорить, что из себя представляло это, кажется, предпоследнее белое правительство в Приморье; вспомнилась только старая русская пословица: те же самые портки, только пуговицы сзади. После меркуловского переворота изменился даже внешний вид Владивостока...» [15, с. 148].

Наперекор обстоятельствам, в частности серьёзным должностным назначениям, Третьяков продолжает работать с удвоенной силой. «Фельетонная работа, направленная по адресу Владивостока и его тылов Японии и Харбина, — это целая книга. Незнамов и я, мы пишем под коллективным псевдонимом „Деревообделочник“. Изю дня в день работает штык строк. Вспомню здесь только одну кратчайшую свою эпиграмму:

Палка по погани плачет,
 Близится прыткий стрекач.
 Бо слово Меркулов значит —
 МЕРзавец
 КУлак
 ЛОВкач.

Изо дня в день, стих за стихом — опоганиваем Меркулятину. Подбадриваем бьющегося армейца. Треплем смешных головотяпов в ведомствах. Издеваемся над зарубежными врагами» [19, с. 74—75].

Несмотря на кажущуюся простоту жанра газетного фельетона, некоторые дальневосточные произведения Асеева и Третьякова достаточно высокого уровня, написаны виртуозно и мастерски. Особо отметим так называемые филологические фельетоны Буль-Буля, проанализированные В. Пузырёвым [12, с. 42—44]. Так, поводом для фельетона «„Омака“ и „обака“» послужило опровержение некоего Фусе, присланное во владивостокскую газету «Голос Родины» из Калгана (Китай). «В нём содержался упрёк газете в неточном переводе корреспонденции — телеграммы злополучного автора. „В моей телеграмме, — писал он, — я прочёл фразу: „русские — круглые дураки“. На самом деле её не было, а была фраза: „россиадзин на омако мари“, что означает „русские весьма широкодумны“. Недоразумение, очевидно, объясняется сходством слов „омака“ и „обака“. Политическое лицо автора опровержения, монархиста и поклонника японского штыка, достаточно определён. Его попытка смягчить прояпонские симпатии филологическими ухищрениями вызывает смех. Но убийственная ирония в концовке фельетона этот смех уничтожает. Игра словом оборачивается против продажного корреспондента. Он побит своим же оружием. В концовке — сарказм, откровенная издёвка Асеева и Третьякова над опровергателем. Обращаясь к читателю, они уверены, что будут поняты правильно:

Если кто найдёт, что в фельетоне
Где-нибудь сказал я: „Фу, собака!“,
Разницу прошу заметить в тоне
Между слов „омака“ и „обака“³¹.

И сразу становилось ясно, что сила слова фельетонистов превосходит филологические „тонкости“ разоблачаемого лица» [12, с. 42—44].

Приём языкового курьёза встречается и в других фельетонах Буль-Буля. Это его испытанный способ борьбы с идейными противниками. В фельетоне «Куда же вы?» осмеян посол марионеточного правительства Кудашев, изгнанный за пределы Дальнего Востока. Речь, вероятно, идёт о князе Николае Александровиче Кудашеве, русском дипломате, в 1902—1905 гг. являвшемся секретарём российского посольства в Токио. В 1914—1916 гг. Кудашев был директором Дипломатической канцелярии в Ставке Верховного главнокомандующего, осуществлявшей координацию деятельности Ставки и МИДа, а с 1916 — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Пекине. Он продолжал занимать этот пост до 1920 г., когда китайские власти закрыли русские дипломатические представительства. Действительный статский советник уехал из Китая во Францию 2 января 1921 г. У Буль-Буля находим:

³¹ Буль-Буль. «Омака» и «обака» // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 5 октября. (ГАПК)

Куда же вы? Куда же вы?
Мы крикнем сгоряча...
Но хмурые Кудашевы,
Оскалясь, промолчат,

С почтительной дистанции
Покажут нам кулак.
А в нём же — верный Франции
Республиканский флаг³².

И здесь концовка, основанная на игре слов, а точнее — на умении придать слову большее содержание и многозначность, убийственно-разоблачительна:

«Начало всё», — сказал Оглы,
Берёзовой покушав каши,
Без «П» — папаши — суть апаши,
Без «П» ж — послы — всего ослы³³.

Приём «буквенного обыгрыша» отчётливо прослеживает инструментовку фельетона, в которой сказывается несомненное влияние поэтической манеры именно Третьякова — его любовь к игре звуков, слов, аллитерациям. Рассказывая, как в связи с победами ДВР Японское осведомительное бюро (сокращённо — ЯОБ) трубит о нейтралитете в «меркуловской аванюре», Третьяков заключает:

Правда, голос ваш очень вкрадчив,
Правда, тон ваш — струна фортепьяновая!
И всё ж, ЯОБ — это значит:
Я Обманываю³⁴.

Жень-Шень использует приёмы языковой игры, он парцеллирует, разрывает слова и фразы, как, например, во «Французской булке». Фельетон был написан после сообщений в печати, что французское правительство назначило реакционного генерала По, владельца акций заводов в Москве, в комиссию «в помощь голодающим России». Стихотворение содержит такие строки:

Звонкое имя По,
Гуди!
Он нам покажет по-
годи.
Не он ли родил нам Кол-
чака!

Готовь ему в спину кол,
Чека!
От него весенний дух,
Будто от акации.
У него на рыле пух
Старой провокации³⁵.

³² Буль-Буль. Куда же вы? // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 3 октября. (ГАПК)

³³ Буль-Буль. Куда же вы? // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 3 октября. (ГАПК)

³⁴ Жень-Шень. ЯОБ // Дальневосточный телеграф. Чита. 1921. 29 сентября. (ГАХК) «Дальневосточный телеграф» — ежедневная внепартийная политическая, общественная и литературная газета, редактор Н.Ф. Насимович-Чужак.

³⁵ Жень-Шень. Французская булка // Дальневосточный телеграф. Чита. 1921. 11 сентября. (ГАХК)

Через несколько лет, в 1929 г., в «Работе над стихом» Н. Асеев писал: «Фельетонист никогда не скрывает своей личности. Он в противовес приёму беллетристики и „высокому стилю“ в поэзии никогда не пытается подменить свой голос голосом „героя“, он никогда не чревоуещает. Не в его интересах обмануть читателя, выдав выдуманные лица и факты за существующие. Наоборот: подлинные факты и подлинные лица служат основой его лирики, его пафоса, его метафоры. Он представляет их читателю как характерные черты сегодняшнего дня, и в подлинности этих характерных черт — непосредственная основа заинтересованности читателя и писателя. Ради композиционной согласованности он никогда не отрывает своего материала от злободневности; наоборот: на конкретном, часто на первый взгляд случайном материале, строит он свои обобщения...» [2, с. 46—47].

Формы стихотворных фельетонов Малки-Иволги, Жень-Шенья и Буль-Буля многообразны, стилевой и жанровой диапазон их широк, от коротко-эпиграмматических до развёрнуто-сказовых: лубок, сказ, частушка, агитка, эпиграмма, басня, баллада, страшная история, попури, соло, романс, сцена, ода, песенка, рассказ, старинная байка, отрывок классической трагедии, фантастика современности, трогательная история, кантата. В качестве элемента жанрового своеобразия можно отметить материалы, взятые в виде своеобразных «эпиграфов», которые ещё более оттеняли, подчёркивали фактическую достоверность, подлинность фельетона. Поэты-футуристы не игнорируют новых художественных средств, имеющих в арсенале модернистских течений Серебряного века, — это и филологические эксперименты, и приёмы языкового курьёза, и буквенное обыгрывание, активно и настойчиво применяются фонетические, звукописные, пародийные находки. Таким образом, можно говорить, что, с одной стороны, широко используются ритмы песен, считалок, поговорки, пословицы, народные приметы, но при необходимости на первый план может выступить «затруднённая» лексика и усложнённая ритмика.

Тем не менее поэтические фельетоны футуристов Асеева и Третьякова написаны проще, естественнее, нежели их иные стихотворные произведения. При этом в своей «генетике» фельетонная поэзия авторов часто обнаруживает тяготение к фольклорному началу. Их стихия — простота без усложнённых метафор и словесных новшеств. Несмотря на изменения ритмического рисунка внутри некоторых фельетонов Третьякова — поэта речевки, в дальнейшем активного лэфовца и одного из создателей «литературы факта», — во всей серии напечатанных в дальневосточных газетах совместных сатирических стихов авторов ощутим дух русского народного творчества.

Фельетоны Асеева — Третьякова были адекватны времени. Как сатирический жанр они позволяли в остроумной форме осмеивать интервентов, их марионеток и продажных газетчиков, оправдывавших империалистическое вмешательство в русские дела на Дальнем Востоке, высмеивать зарубежную дипломатию и её коварные планы. Факты для фельетонов, как правило, брались из жизни Приморья: в них говорилось о бездарной деятельности меркуловского правительства, о жёлтой прессе, о провале

планов борьбы с Советской Россией, о незадачливых белых генералах и правителях вроде Розанова, Дитерихса и др. Эзопов язык, недоговорённости и недосказанности, свойственные жанру, прозрачные намёки, на которые вынуждала цензура, были понятны читателям того времени без подстрочника. Фельетоны Буль-Буля, Малки-Иволги, Жень-Шеня, чего бы они ни касались, политически окрашены, задиристы, публицистичны. Острая сатира была прямо в цель. Сегодня можно сказать, что Н. Асеев и С. Третьяков закладывали основы политического газетного фельетона на Дальнем Востоке, переключаясь с В. Маяковским, Д. Бедным.

Конечно, не все фельетоны Асеева и Третьякова равноценны, в некоторых из них упрощённость мысли сочетается с декларативностью, риторикой, многие фельетоны можно лишь условно назвать поэтическими: далеко не все они стоят на высоком художественном уровне, социально-политическая тема и ненависть к «тёмным» силам заслоняют в них лирическую составляющую. Однако спустя больше полувека по-прежнему существенна, на наш взгляд, мысль исследователя дальневосточного фольклора Л. Элиасова, предлагавшего в оценке стихов и песен тех лет исходить прежде всего из той роли, какую они играли в данный период. И самое главное, каков бы ни был эстетический уровень этих произведений, работа Асеева-сатирика, Третьякова-фельетониста показательна и важна, потому что, явившись документом эпохи, способствовала выходу её авторов в большую поэзию.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Асеев Н. Октябрь на Дальнем: очерк // Полное собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Проза 1916—1963. М.: Худ. лит., 1964. С. 121—135.
2. Асеев Н. Работа над стихом. Л.: Прибой, 1929. 167 с.
3. Болдырев В.Г. Переворот братьев Меркуловых // Сибирь. 1925. № 5—6. С. 23—25.
4. Боны Японии и Китая на русском Дальнем Востоке. Торговый дом Симада. URL: <http://forum.fox-notes.ru/index.php?topic=715.0> (дата обращения: 05.09.2019).
5. Ершов Л.Ф. Сатирические жанры русской советской литературы (от эпиграммы до романа). Л.: Наука, 1989. 280 с.
6. Кириллова Е.О. Дальневосточная гавань русского футуризма. Книга первая. Модернистские течения в литературе Дальнего Востока России 1917—1922 гг. (поэтические имена, идейно-художественные искания). Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. 636 с.
7. Кириллова Е.О. Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б.М. Юльский, Н.А. Байков, М.В. Щербаков, Е.Е. Яшнов). Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. 276 с.
8. Кириллова Е.О. Русская поэзия Дальнего Востока 1917—1922-х гг.: имена, тенденции, жанры // Проблемы славянской культуры и цивилизации: Материалы VIII Международной научно-методической конференции / отв. ред. А.М. Антипова. Усурийск: Изд-во УГПИ, 2006. С. 279—285.
9. Незнамов П.В. Маяковский в двадцатых годах // Владимир Маяковский в воспоминаниях современников: сборник / сост. Н.В. Реформатская, вст. ст. З.С. Паперного. М.: Гослитиздат, 1963. С. 355—391.

10. Петряев Е.Д. Псевдонимы литераторов-сибиряков: материалы к «Истории русской литературы Сибири». Новосибирск: Наука, 1973. 76 с.
11. Полутов А.В. Японские военные миссии в Маньчжурии, Сибири и на Дальнем Востоке России (1918—1922 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2012. № 4. С. 71—84.
12. Пузырёв В.Г. Дальневосточный цикл произведений Николая Асеева // Учёные записки Ульяновского государственного педагогического института им. И.Н. Ульянова. Т. XXVII, вып. 2. Ульяновск, 1971. С. 35—61.
13. Пузырёв В., Иванов Ю., Хомутова К. Советская поэзия на Дальнем Востоке // Антология поэзии Дальнего Востока / сост. В. Пузырёв, Ю. Иванов. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1967. С. 5—49.
14. Рачков Д.А. Из истории становления советской поэзии на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964. 19 с.
15. Ревоненко А.В. О Всеволоде Никаноровиче Иванове / публ. подг. Л.В. Колесниковой // Записки Гродековского музея. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2012. Вып. 26. С. 140—155.
16. Ревоненко А. Псевдонимы периода Гражданской войны на Дальнем Востоке // Дальний Восток. 1972. № 3. С. 135—139.
17. Смола О.П. Н. Асеев на Дальнем // Филологические науки. 1969. № 1. С. 100—112.
18. Татуйко А. Борьба против футуризма в Дальневосточной республике (1921—1922 гг.) // Дальний Восток. 1960. № 5. С. 160—167.
19. Третьяков С. Штык строк // Новый Леф. 1927. № 8—9. С. 55—75.
20. Трушкин В.П. Из пламени и света...: гражданская война и литература Сибири. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1976. 368 с.
21. Элиасов Л.Е. Стихи, песни и частушки времён Гражданской войны в Забайкалье. Чита: Кн. изд-во, 1957. 399 с.

REFERENCES

1. Aseev N. Oktyabr' na Dal'nem: ocherk [October in the Far East: Sketch]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 5 t. T. 5. Proza 1916—1963* [Complete Works: In 5 Volumes. Vol. 5. Prose 1916—1963]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1964, pp. 121—135. (In Russ.)
2. Aseev N. *Rabota nad stikhom* [Work on a Poem]. Leningrad, Priboy Publ., 1929, 167 p. (In Russ.)
3. Boldyrev V.G. Perevorot brat'ev Merkulovykh [Revolution of the Merkulov Brothers]. *Sibir'*, 1925, no. 5—6, pp. 23—25. (In Russ.)
4. *Bony Yaponii i Kitaya na russkom Dal'nem Vostoke. Torgovyy dom Simada* [Bonnes of Japan and China in the Russian Far East. Simada Shopping House]. Available at: <http://forum.fox-notes.ru/index.php?topic=715.0> (accessed 05.09.2019). (In Russ.)
5. Ershov L.F. *Satiricheskie zhanry russkoy sovetskoy literatury (ot epigrammy do romana)* [Satirical Genres of the Russian Soviet Literature (From the Epigram to the Novel)]. Leningrad, Nauka Publ., 1989, 280 p. (In Russ.)
6. Kirillova E.O. *Dal'nevostochnaya gavan' russkogo futurizma. Kniga pervaya. Modernistskie techeniya v literature Dal'nego Vostoka Rossii 1917—1922 gg. (poeticheskie imena, ideyno-khudozhestvennyye iskaniya)* [Far Eastern Harbor of Russian Futurism. Book One. Modernist Currents in the Literature of the Russian Far East in 1917—1922 (Poetic Names, Ideological and Artistic Searches)]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta Publ., 2011, 636 p. (In Russ.)
7. Kirillova E.O. *Oriental'nye temy, obrazy, motivy v literature russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka (B.M. Yul'skiy, N.A. Baykov, M.V. Shcherbakov, E.E. Yashnov)* [Oriental Themes, Images, Motives in the Russian Emigre Literature of the Far East

- (B.M. Yul'sky, N.A. Baykov, M.V. Scherbakov, E.E. Yashnov)]. Vladivostok, Dal'nevost. federal. un-t Publ., 2015, 276 p. (In Russ.)
8. Kirillova E.O. Russkaya poeziya Dal'nego Vostoka 1917—1922-kh gg.: imena, tendentsii, zhanry [Russian Poetry of the Far East 1917—1922: Names, Trends, Genres]. *Problemy slavyanskoy kul'tury i tsivilizatsii: Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii* [Problems of Slavic Culture and Civilization: Proceedings of the 8th International Scientific and Methodological Conference]. Executive ed. A.M. Antipova. Ussuriysk, Izd-vo UGPI Publ., 2006, pp. 279—285. (In Russ.)
 9. Neznamov P.V. Mayakovskiy v dvadtsatykh godakh [Mayakovsky in the 1920^s]. *Vladimir Mayakovskiy v vospominaniyakh sovremennikov: sbornik* [Vladimir Mayakovsky in Memoirs of Contemporaries: Collection]. Compl. by N.V. Reformatskaya, with introd. by Z.S. Paperny. Moscow, Goslitizdat Publ., 1963, pp. 355—391. (In Russ.)
 10. Petryaev E.D. *Pseudonimy literatorov-sibiryakov: materialy k "Istorii russkoy literatury Sibiri"* [Pseudonyms of Siberian Writers: Materials on "The History of the Russian Literature of Siberia"]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1973, 76 p. (In Russ.)
 11. Polutov A.V. Yaponskie voennye missii v Man'chzhurii, Sibiri i na Dal'nem Vostoke Rossii (1918—1922 gg.) [Japanese Military Missions in Manchuria, Siberia and the Far East of Russia (1918—1922)]. *Vestnik DVO RAN*, 2012, no. 4, pp. 71—84. (In Russ.)
 12. Puzyrev V.G. Dal'nevostochnnyy tsikl proizvedeniy Nikolaya Aseeva [The Far East Cycle of Works by Nikolay Aseev]. *Uchenye zapiski Ul'yanovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. I.N. Ul'yanova*, vol. XXVII, iss. 2. Ul'yanovsk, 1971, pp. 35—61. (In Russ.)
 13. Puzyrev V., Ivanov Yu., Khomutova K. Sovetskaya poeziya na Dal'nem Vostoke [The Soviet Poetry in the Far East]. *Antologiya poezii Dal'nego Vostoka* [Anthology of Poetry of the Far East]. Comp. by V. Puzyrev, Yu. Ivanov. Khabarovsk, Khabarovskoe kn. izd-vo Publ., 1967, pp. 5—49. (In Russ.)
 14. Rachkov D.A. *Iz istorii stanovleniya sovetskoy poezii na Dal'nem Vostoke (1917—1922 gg.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [From the History of Formation of the Soviet Poetry in the Far East (1917—1922). Author's abstract of the PhD in phil. sci. diss.]. Moscow, 1964, 19 p. (In Russ.)
 15. Revonenko A.V. O Vsevolode Nikanoroviche Ivanove [About Vsevolod Nikanorovich Ivanov]. Publ. prep. by L.V. Kolesnikova. *Zapiski Grodekovskogo muzeya* [Notes from the Grodekovsky Museum]. Khabarovsk, Khabarovskiy kraevoy muzey im. N.I. Grodekova Publ., 2012, iss. 26, pp. 140—155. (In Russ.)
 16. Revonenko A. Pseudonimy perioda Grazhdanskoy voyny na Dal'nem Vostoke [Pseudonyms during the Civil War in the Far East]. *Dal'niy Vostok*, 1972, no. 3, pp. 135—139. (In Russ.)
 17. Smola O.P. N. Aseev na Dal'nem [N. Aseev in the Far East]. *Filologicheskie nauki*, 1969, no. 1, pp. 100—112. (In Russ.)
 18. Tatuyko A. Bor'ba protiv futurizma v Dal'nevostochnoy respublike (1921—1922 gg.) [Fight against Futurism in the Far East Republic (1921—1922)]. *Dal'niy Vostok*, 1960, no. 5, pp. 160—167. (In Russ.)
 19. Tret'yakov S. Shtyk strok [Bayonet of Lines]. *Novyy Lef*, 1927, no. 8—9, pp. 55—75. (In Russ.)
 20. Trushkin V.P. *Iz plameni i sveta...: grazhdanskaya voyna i literatura Sibiri* [From Flame and Light: The Civil War and the Literature of Siberia]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo Publ., 1976, 368 p. (In Russ.)
 21. Eliasov L.E. *Stikhi, pesni i chastushki vremen Grazhdanskoy voyny v Zabaykal'e* [Poems, Songs and Chastushkas during the Civil War in Transbaikalia]. Chita, Kn. izd-vo Publ., 1957, 399 p. (In Russ.)